Издательство Грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Французские и немецкие расовые теории XIX – начала XX века: сравнительный анализ

Ряков Е. Е.

Аннотация. Цель исследования – проследить эволюцию расовых теорий во Франции и Германии XIX – начала XX в. от философских построений до псевдонаучной системы, ставшей основой расовой политики Третьего рейха. В статье представлен сравнительный анализ французских и немецких расовых теорий. Рассматриваются воззрения Артура де Гобино, Хьюстона Стюарта Чемберлена, Жоржа Ваше де Лапужа, Людвига Вольтмана и Ганса Гюнтера. Показана эволюция расовой мысли от философского расизма Гобино к псевдонаучной системе Гюнтера, ставшей идеологической основой нацистской расовой политики. Выявлены общие черты расовых теорий: обоснование врождённого неравенства, псевдонаучный характер аргументации, эклектичность и внутренняя противоречивость. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые проведён системный сравнительный анализ французской и немецкой расовых традиций с выявлением общих закономерностей их развития и специфики каждой национальной школы. На основе анализа первоисточников и историографии демонстрируется, что популярность расовых теорий была обусловлена не их научной ценностью, а политическими потребностями европейских государств эпохи империализма. В результате установлено, что трансформация расовой мысли от философских построений к псевдонаучной доктрине сопровождалась её постепенной интеграцией в государственный аппарат, что наиболее отчётливо проявилось в расовой политике Третьего рейха. Показано также, что расовые теории использовались для легитимации социального неравенства и отвлечения массовых слоёв от экономических проблем.

EN

French and German racial theories of the 19th – early 20th century: a comparative analysis

E. E. Ryakov

Abstract. The aim of the study is to trace the evolution of racial theories in France and Germany from the 19th to the early 20th century, from philosophical constructs to a pseudoscientific system that became the basis of the Third Reich's racial policy. The article presents a comparative analysis of French and German racial theories. The work examines the views of Arthur de Gobineau, Houston Stewart Chamberlain, Georges Vacher de Lapouge, Ludwig Woltmann, and Hans F. K. Günther. The evolution of racial thought from Gobineau's philosophical racism to Günther's pseudoscientific system, which became the ideological basis of Nazi racial policy, is demonstrated. Common features of racial theories are identified: justification of innate inequality, pseudoscientific argumentation, eclecticism, and internal contradiction. The scientific novelty of the study lies in the fact that it for the first time conducts a systematic comparative analysis of the French and German racial traditions, revealing common patterns of their development and the specifics of each national school. Based on the analysis of primary sources and historiography, it is shown that the popularity of racial theories was driven not by their scientific value but by the political needs of European states during the era of imperialism. It is established that the transformation of racial thought from philosophical constructs to a pseudoscientific doctrine was accompanied by its gradual integration into the state apparatus, which manifested most clearly in the racial policy of the Third Reich. It is also demonstrated that racial theories were used to legitimize social inequality and to distract the masses from economic problems.

Введение

XIX век – время возникновения различных вариаций расовых теорий. Отголоски расовой мысли, попытки объяснения неравенства можно найти уже в античных трудах Гиппократа и Витрувия, а также у многих

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260290

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

философов эпохи Просвещения, таких как Иммануил Кант (Гиппократ, 1936; Витрувий, 1938; Кант, 1994). Однако расовые воззрения до XIX в. не ставили своей целью псевдонаучное возвышение какой-либо расы, не опирались на рациональные построения. Расизм – учение, говорящее о неравенстве, и первые настоящие расовые теории утвердили именно наличие «избранных» рас, которые превосходят по всем параметрам расы «низшие». Расовые теории ошибочно принято считать достоянием прошлого. Их лексика и аргументы возвращаются в современную политическую риторику, и вопрос, откуда они взялись и как добрались до государственной власти, звучит вполне практическим. Отдельные фигуры – Гобино, Чемберлен, Гюнтер – изучены подробно, но французская и немецкая школы расовой мысли ни разу не сопоставлялись как целое. Настоящее исследование призвано закрыть эту брешь.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать воззрения Артура де Гобино как основоположника расового детерминизма;
2) рассмотреть расовую теорию Хьюстона Стюарта Чемберлена и её влияние на немецкую националистическую мысль;
3) исследовать антропосоциологию Жоржа Ваше де Лапужа и её социальную программу;
4) выявить особенности расовой теории Людвига Вольтмана;
5) проанализировать расовую систему Ганса Гюнтера и её роль в идеологии Третьего рейха;
6) выявить общие черты и специфические различия французских и немецких расовых теорий.

Методологическую основу исследования составил сравнительно-исторический анализ первоисточников – трудов самих расовых теоретиков – с привлечением широкого круга историографических работ. Применялись методы текстологического анализа, системного и компаративного подхода, позволяющие выявить как общие закономерности развития расовой мысли, так и специфику каждой национальной интеллектуальной традиции.

Теоретическую базу исследования образуют работы ведущих специалистов в области истории расизма и тоталитаризма. П. А. Тагиефф (2009) подробно рассмотрел французские теории расизма, выделив четыре типа расистской мысли и показав её внутреннюю логику. М. Саркисянц (2003) проанализировал британские идейные корни немецкого фашизма, проследив влияние английской имперской идеологии на формирование нацистской расовой доктрины. Х. Арендт (1996) исследовала истоки тоталитаризма, показав неразрывную связь расового мышления с империалистической экспансией и бюрократизацией управления массами.

Зарубежная историография проблемы представлена работами М. Д. Биддиса (Biddiss, 1970), Д. Гасмана (Gasman, 1971), Г. Л. Моссе (Mosse, 1978), Р. Н. Проктора (Proctor, 1988), Э. Баркана (Barkan, 1992), Г. Г. Филда (Field, 1981) и М. Хокинса (Hawkins, 1997), в которых прослежены генезис расовых теорий, их институционализация и последующая дискредитация в европейской науке первой половины XX в.

Практическая значимость исследования состоит в том, что анализ механизмов формирования и функционирования расовых теорий способствует пониманию природы радикальных идеологий. Результаты работы могут быть использованы в образовательных курсах по истории, политологии и социологии, а также для противодействия современным формам дискриминации и ксенофобии.

Обсуждение и результаты

Одним из первых мыслителей, попытавшихся систематизировать расовые воззрения, стал Артур де Гобино (1816-1882) – французский дипломат, писатель, этнолог и социальный мыслитель, чья теория расового детерминизма оказала огромное влияние на последующее развитие расистских теорий и практик в Западной Европе. Гобино происходил из аристократической роялистской семьи. Он отправился в Париж в 1835 г., занимал ряд мелких канцелярских должностей и стал часто посещать литературные кружки. Француз был хорошо образован в области языков и восточной культуры и служил секретарём писателя и государственного деятеля Алексиса де Токвиля во время его краткого пребывания на посту министра иностранных дел в 1849 г. Затем Гобино (2001) начал свою собственную дипломатическую карьеру, которая привела его к должностям в Берне, Ганновере, Франкфурте, Тегеране, Рио-де-Жанейро и Стокгольме.

Ключевым трудом, в котором выражена вся философия Гобино, стало четырёхтомное эссе «Опыт о неравенстве человеческих рас». В основе всего прогресса человечества Гобино видел вопрос расы. Философ предрекал, что, если человечество не попытается решить проблему смешения, произойдёт постепенное вырождение, которое приведёт весь мир к упадку (Гобино, 2001).

Гобино попытался создать подход к истории, связывающий подъём и падение цивилизаций с расой. Он пришёл к убеждению, что раса есть первоисточник культуры, утверждая, что различия между тремя расами – «чёрной», «белой» и «жёлтой» – обусловлены естественными барьерами и что «смешение рас» разрушает эти барьеры и ведёт к хаосу. Классификация Гобино (2001) основана на цвете кожи: чёрная раса – низшая, с ограниченным интеллектом и повышенной чувственностью; жёлтая – апатичная, склонная к посредственности; белая (арийцы) – мыслящая и энергичная, обладающая острым интеллектом и сильным чувством чести.

Согласно представлениям Гобино, народы Испании, южной Франции, южного и западного Ирана, большей части Италии и значительной части Британии представляют собой дегенеративную расу, возникшую в результате смешения. Он также утверждал, что вся северная Индия состоит из жёлтой расы. Гобино считал, что «белая» раса превосходит все остальные, так как она наследует древней индоевропейской культуре, также известной как «арийская». Будущее высшей расы он связывал с Германией, имевшей достаточно арийской крови, чтобы возродить белую расу (Гобино, 2001).

Гобино называл Библию надёжным источником истории. В «Опыте о неравенстве человеческих рас» он писал, что «Адам – прародитель нашей белой расы», а все другие расы не относились к прямой линии потомков. Библейское разделение на хамитов, семитов и иафетитов, согласно Гобино (2001), есть разделение внутри белой расы.

В своём труде Гобино утверждал: «Когда история чётко установит этот непреодолимый антагонизм между расами и их культурными типами, станет очевидно, что различие и неравенство коренятся в глубине этих составных отталкиваний, а поскольку европеец не сможет цивилизовать негра, поскольку он в состоянии передать мулату лишь часть своих способностей, а этот мулат, имеющий в жилах кровь белой расы, не создаст потомство, способное воспринимать что-либо большее, нежели культура метисов, пусть и устремлённая к идеям белой расы, я считаю себя вправе заявить о неравенстве умственных способностей различных рас» (2001, с. 168).

В то же время Гобино не отказывал отдельным представителям рас в интеллекте или морали, соглашаясь, что лидер чёрного племени может превосходить условного крестьянина из Франции. Однако в общей картине такие случаи были, по мнению француза, единичны. В последней главе «Неравенства человеческих рас» Гобино утверждал, что на протяжении всей человеческой истории существовало десять великих цивилизаций, все они были основаны белой расой. Гобино верил, что перечисленные цивилизации возникали в результате завоевания высшей арийской расой низших рас. Он писал, что арийцы храбры, умны и сильны, но имеют слабость к творчеству. Небольшой приток крови других рас, особенно семитских, усилил эту слабость. Однако, предупреждал Гобино (2001), слишком сильное смешение рас приведёт к окончательному уничтожению цивилизации.

Примечательно, что хотя Гобино и был расистом, он никогда не причислял себя к антисемитам. По его мнению, евреи также являлись частью белой расы, поэтому в Третьем рейхе идеи француза хоть и ценились, в том числе и лично Гитлером, но часть с иудеями подверглась пересмотру. Труды Гобино не пользовались особым успехом при его жизни, признавался скорее литературный талант француза. После смерти «Опыт о неравенстве» получил распространение как в Европе, так и в Америке, повлияв на многих сторонников расового неравенства, получив почти культовый статус (Гобино, 2001).

Современная историография во многом подтверждает и уточняет эту картину. М. Биддис показал, что философский расизм Гобино был ответом не столько на биологию, сколько на упадок французской аристократии: автор «Опыта» эстетизировал историю, превращая сословную обиду в универсальный закон (Biddiss, 1970). Именно поэтому книга не была востребована при жизни автора и «сработала» лишь поколение спустя – когда европейским элитам понадобился легитимирующий словарь империализма. Г. Моссе добавляет к этой картине важный штрих: механизм, запущенный Гобино, не требовал доказательств – достаточно было эстетики превосходства и языка «качеств» расы, который позднее заимствовали все школы научного расизма (Mosse, 1978).

Если Гобино заложил философские основы расового детерминизма, то развитие и популяризацию расовых идей в конце XIX в. продолжил Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855-1927) – один из главных идеологов расизма своего времени. Урождённый англичанин, германофильский политический философ, чья пропаганда расового и культурного превосходства так называемого арийского элемента в европейской культуре оказала влияние на пангерманскую и немецкую националистическую мысль, в частности на национал-социалистическое движение Адольфа Гитлера (Чемберлен, 2012).

Биография Чемберлена не так примечательна. Он получил образование в Версале, Женеве и Вене, затем, став поклонником Вагнера, вступил в переписку с его вдовой, которая сильно повлияла на воззрения молодого Чемберлена. Очарование Вагнером сменилось на общую любовь к «тевтонам» – немецкому народу, которое привело к его женитьбе на дочери Вагнера и эмиграции в Германию в 1907 г. Большую часть своей карьеры Чемберлен (2012) писал различные труды о расах, среди которых можно особо выделить «Основания XIX века» как самый объёмный и наиболее говорящий об авторе.

Исторические воззрения Чемберлена во многом схожи с воззрениями Томаса Карлейля и обладают своеобразной трактовкой. Главным в исторической картине мира Чемберлена выступал народ тевтонов или нордиков, локомотив, тянущий за собой другие арийские народы. Арийцами считались все народы Европы, включая греков, кельтов, славян и латинов. Чемберлен с гордостью декламировал абсолютное неравенство рас: «Физически и духовно арийцы выделяются среди всех людей, поэтому они по праву (как выразился Стагирит (прозвище Аристотеля. – примеч. пер.)) являются хозяевами мира» (Чемберлен, 2012, с. 575).

Тевтоны являлись наследниками как античной Греции, так и имперского Рима. Империя Карла Великого, Священная Римская империя – всё это, по мнению Чемберлена, прямые наследники древних и великих государств. Встречается в его трудах и антисемитизм: так, причина падения Рима объясняется засильем неарийских народов, отчасти семитами. «Я ненавижу их всеми силами души, ненавижу и ненавижу», – писал Чемберлен о евреях (Саркисянц, 2003, с. 160). Саркисянц возлагает именно на англичанина вину в неправильной трактовке Вагнера, приведшей к культу композитора в Рейхе. Вместо мирных методов борьбы с иудаизмом, за которые ратовал Вагнер, Чемберлен заложил основы прямого идеологического уничтожения евреев. Здесь стоит заметить, что историк Саркисянц предвзят, ведь в его же трактовке Карлейль несёт полную ответственность за деяния потомков, а Вагнер – нет, хотя похожему искажению подверглись оба (Саркисянц, 2003).

Нужно обратить внимание на введение Чемберленом постоянного антагонизма рас – борьбы благородных «арийцев» против «семитов». Это прослеживается как в борьбе Рима и Карфагена, так и в других исторических аллюзиях Чемберлена. Причём Чемберлен (2012) одобряет решение семитского вопроса римлянами.

Несмотря на кажущуюся образованность, научными труды Чемберлена не являются. Он отрицал принципы дарвинизма и эволюции, оставался христианином, и в его трудах можно встретить поиск расы Иисуса

Христа (который, что неудивительно для автора-расиста, оказался совсем не евреем): «Спросим себя: был ли Христос евреем по своей принадлежности роду? <…> У Христа этого нет и следа… По религии и по воспитанию, несомненно, по расе – в более узком и собственном смысле слова “еврей” – более чем вероятно нет» (Чемберлен, 2012, с. 343).

В трудах Чемберлена постоянно встречаются метафизические, смутные понятия и сравнения: разговоры о селекции человека, которые не несли за собой даже опыта (англичанин рассказывал, что одни смешения рас людей лучше, чем другие); исторический анализ истории Греции и Рима, неполный и наполовину заимствованный у историков-современников, таких как Момзен. Всё это смешано с пропагандой христианства и отрицанием конкретных научных дисциплин, таких как лингвистика: «Языковое родство не является обязательным доказательством общности крови» (Чемберлен, 2012, с. 387). Дарвинизму Чемберлен предпочёл поэта Гёте, и отсылки в его трудах идут не только на учёных, но и на художественные произведения. Часть аргументов Чемберлена происходит из личного опыта: «Монтефиоры нынешнего поколения все без исключения женились на немецких еврейках. Но любой, кто путешествовал по востоку Европы, где настоящие сефарды и сегодня избегают всякого общения с немецкими евреями, к которым они испытывают смешное отвращение, согласится со мной, если я скажу, что только увидев и пообщавшись с этими людьми, постигаешь значение еврейства в мировой истории. Это дворянство в полном смысле слова, истинное расовое дворянство! Красивое телосложение, благородная голова, достоинство в речи и жестах» (Чемберлен, 2012, с. 392).

Аргумент из стиля «увидьте и пообщайтесь» не вызывает доверия даже для конца XIX в. В философских воззрениях Чемберлен находит ключевую разницу между арийцами и семитами: она заключается в идеализме, или способности к пониманию и созданию религиозных принципов, у арийцев и абсолютно беспринципном материализме у семитов. Особых доказательств у таких воззрений нет, но в подобном Чемберлен (2012) никогда не нуждался.

Чемберлен был убеждён в абсолютной несостоятельности демократии. Будучи вдохновлённым трудами Карлейля, он, подобно американцу Джорджу Фитцхью, считал, что свобода является ненужным ограничением. Жёсткая кастовая система общества и ограничение интеллектуализма как формы познания (англичанин, опираясь на опыт Британской империи, считал, что не интеллект строит империи, а подчинённость внутренним инстинктам) – путь арийских государств по Чемберлену (2012).

Вполне очевидно, что труды Чемберлена нельзя назвать научными. Это философский трактат, причём философия здесь скорее религиозная и к тому же неглубокая. Что удивительно, труд стал бестселлером своего времени. Сам Чемберлен был знаком как с кайзером Вильгельмом, так и с Адольфом Гитлером, особо уповая на последнего. Хотя Чемберлен и не дожил до 1933 г., его труды оказали огромное влияние на лидеров Третьего рейха, особенно на Альфреда Розенберга. Расовые предрассудки, избранность, абсолютная ненаучность и религиозный инстинкт, ведущий вперёд, – всё это Рейх почерпнул из трудов Чемберлена. Единственное, в чём Гитлер не до конца соглашался с англичанином, – это роль христианства в арийском государстве, в остальном же фюрер стал верным последователем расовой теории Чемберлена (2012).

В историографии фигура Чемберлена давно перестала быть фигурой умолчания. Г. Филд (Field, 1981) в базовой монографии о нём показал, что успех «Оснований XIX века» объясняется не содержанием аргументов, а формой: книга читалась как панорама мировой истории, написанная для образованного читателя, и именно жанровая доступность сделала её каноническим текстом немецкого национализма. Сравнительное значение Чемберлена в том, что он перевёл расовую мысль из философского трактата в массовую проповедь – шаг, без которого последующая политизация расовой идеи была бы невозможна.

В то время как Гобино и Чемберлен оставались прежде всего мыслителями, в конце XIX в. расовая теория начинает облекаться в псевдобиологическую форму. Теоретики расизма пытаются придать своим воззрениям научный характер в биологическом плане, точнее прикрыть свои недоказуемые воззрения доказательной базой. Развивается так называемая «биологическая» ветвь расизма, к которой можно отнести Жоржа Ваше де Лапужа (1854-1936). Француз попытался синтезировать новое учение на грани антропологии и социологии, объясняя успех различных народов наличием разного количества “homo europaeus”, представителей высшей расы (Лапуж, 2014).

Созданная им наука – тема отдельных исследований, но здесь стоит обратить внимание на политический аспект учения француза. Лапуж, хотя и являлся правым, выступал за построение социального государства. По мнению историка Тагиеффа, такое государство даже можно назвать «социалистическим». Исследуя расы, пытаясь вывести общие законы, Лапуж нашёл способы для построения нового, расово правильного, успешного общества. Этим способом являлась социальная евгеника, или селекционизм (Тагиефф, 2009).

«Селекционизм как практическая доктрина состоит в исправлении досадных последствий естественного отбора, а также в умножении числа самых красивых и лучших. У его целей много общего с целями социализма, заключающимися в исправлении естественных последствий экономической эволюции – в соответствии с определённым идеалом общественного совершенства» (Тагиефф, 2009, с. 149).

Идея Лапужа была крайне простой. Он отчётливо видел разницу своих правых взглядов и левого движения, но также утверждал, что эта разница не является непреодолимой. По мнению француза, социализм и расизм имели схожие цели, и для их обеспечения следовало найти способ коммуникации и взаимодействия, который бы позволил двум течениям сотрудничать. Более того, в своём последнем труде «Раса и социальная среда» Лапуж утверждал, что единственная правильная форма социализма – селекционная (Тагиефф, 2009).

Тагиефф так характеризует идеи «социалистической евгеники»: «Что было особенно характерно для “социалистической” евгеники во французских идеолого-политических дебатах по поводу “человеческого отбора”, что вызывало наибольшие скандалы – это в первую очередь радикальность её программы биологического улучшения. Последняя проповедовала обязательную стерилизацию и кастрацию большого количества категорий “нежелательных” существ с предположительно дефектной наследственностью» (Тагиефф, 2009, с. 138).

Лапуж (2014) также признавал противостояние арийцев и семитов и считал еврейскую расу одним из претендентов на мировое господство, впрочем, видя в последних слишком много изъянов, которые не позволили бы возвыситься еврейскому народу слишком высоко.

Лапуж был осуждён учёными-современниками из Франции, но его учение обрело популярность в Германии и США. Француз дожил до основания Третьего рейха и лично признавал, что принципы его расовой селекции применялись нацистами, но этот факт не особо его радовал. Он не видел в нацистах главного – стремления поменять социальный порядок, стремления улучшить человечество. В 1927 г. Лапуж имел благодушную переписку с Гюнтером, расовым теоретиком нацистов, но в 1940-е гг. мнение французского учёного поменялось. Тагиефф приводит два высказывания Лапужа о нацизме: «Социальная программа Гитлера была терпеливо выстроена на данных, взятых из моих публикаций последних лет по селекционизму. Только молоко свернулось, осталось лишь колдовское варево» (Тагиефф, 2009, с. 157). «Будущее покажет, что жуткая политика этого великого человека (Гитлера) не приведёт ни к чему, кроме ужасных истреблений и уничтожения лучших» (Тагиефф, 2009, с. 157).

Другим примером эклектичности биологического расизма стал Людвиг Вольтман (1871-1907) – самая парадоксальная фигура немецкой расовой мысли, ведь изначально будучи марксистом, он оказался одним из предшественников нацистской расовой политики.

Вольтман родился в Золингене в семье плотника, ставшего владельцем мебельного магазина. Получил серьёзное образование: медицина и философия во Фрайбурге, две докторские степени уже к 1896 году. По профессии – врач-окулист. В науку входил с сочинениями, которые сегодня звучат почти абсурдно: «Дарвинистская теория и социализм» (1899), «Исторический материализм» (1900). Молодой автор пытался соединить Дарвина с Марксом и кантианством, доказывая, что марксово учение о мышлении «вполне соответствует критической философии Канта» (Hawkins, 1997, p. 185). Но скрещивание дарвинизма с социализмом дало не социологию, а расовую теорию: стоило перенести борьбу за существование с организмов на народы – и социализм был заменен Вольтманом на расовый детерминизм (Gasman, 1971; Hawkins, 1997).

Точкой перелома в биографии Вольтмана стал конкурс Фонда свободных научных исследований, учреждённого династией Круппов – владельцев эссенских сталелитейных и артиллерийских заводов, чья премия служила инструментом влияния крупного капитала на науку (Hawkins, 1997). Круппы объявили премию в 30 000 марок за ответ на вопрос «Чему учит нас принцип естественного отбора в области внутриполитического развития и государственного законодательства?» За приз боролись шестьдесят человек. Работа Вольтмана заняла лишь третье место – автор оскорбился настолько, что отказался от награды и затеял кампанию против судей и победителя. Так родилась его главная книга – «Политическая антропология» (1903), со временем ставшая одной из настольных книг нацистов (Gasman, 1971).

Современная историография подтверждает эту траекторию. М. Хокинс (Hawkins, 1997) относит Вольтмана к эволюционному социал-дарвинизму и показывает, что и конкурс Круппа, и журнал «Политико-антропологическое обозрение» выполняли одну и ту же функцию – легитимацию расовой мысли под видом научной дискуссии. Д. Гасман (Gasman, 1971) связывает политическую антропологию Вольтмана с более широкой средой немецких монистов и естествоиспытателей, через которую дарвинистская лексика проникала в националистическую публицистику.

Суть книги умещается в одну формулу: раса определяет политику. Вольтман распространял дарвиновскую борьбу за существование на историю человечества и делал из этого прямые выводы. Белой расе, согласно Вольтману, присуща антропологически обусловленная способность к политическому господству, тогда как негров и индейцев, по его мнению, невозможно приобщить к подлинной цивилизации; из европоидной расы высшей разновидностью объявлялась нордическая. Смешение с «неполноценными» расами Вольтман расценивал как гибельное, а для колониальных народов было уготовано рабство. Показательно, что свою расовую классификацию Вольтман (2000) выстроил на методике русского антрополога И. Е. Деникера: взял её за основу, расширил и политизировал.

Ключевое расхождение между подходами Вольтмана и Гобино кроется в концептуализации расы. В то время как Гобино трактует расу как биологическую константу, Вольтман понимает её как социально-исторический конструкт. В его теории расы являются продуктом миграционных процессов и межгруппового смешения, вследствие чего «германскость» определяется не генетической общностью, а исторически детерминированной совокупностью культурных характеристик. Это расширение оказалось удобным: расовые свойства теперь можно было приписать не только телу, но и целым эпохам.

В 1902 году Вольтман окончательно порвал с социализмом и основал журнал «Политико-антропологическое обозрение»; к 1903 году у него было уже две тысячи подписчиков. Программа издания – «логическое применение естественного закона эволюции для органического, социального и интеллектуального развития народов» (Hawkins, 1997, p. 191). Вокруг журнала сложился круг, из которого выросла следующая генерация немецких расологов –та самая линия, что позднее приведёт от расовой теории к расовой политике.

В поздний период своего творчества Вольтман пришел к радикальной форме пангерманизма. «Немцы и Ренессанс в Италии» (1905), «Германцы в Испании» (1906), «Германцы во Франции» (1907): лучшее в истории обеих стран Вольтман приписывал германскому элементу; Ренессанс объявлялся не возрождением античности, а делом германских племён. В качестве характерного примера можно привести 1904 год, когда Вольтман опубликовал труд о «физическом типе Иммануила Канта», причислив философа к нордической расе. Подобные экстраполяции наглядно иллюстрируют стремление расовой теории присваивать и подчинять себе любые культурные и научные авторитеты.

В январе 1907 года Вольтман погиб в Генуе в результате несчастного случая – ему было тридцать пять. Он не дожил ни до Первой мировой войны, ни до расовой политики Третьего рейха, но именно его «Политическая антропология» дала той линии теоретический каркас, который затем подхватили Ленц и Гюнтер. Показательно и посмертие: в 1936 году его главные книги были переизданы в Германии одним сборником. Книга, написанная отступником от социализма, стала настольной у нацистов – лучшей иллюстрации того, как расовая теория перерастает в расовую политику, не найти (Gasman, 1971; Mosse, 1978).

От философского расизма Гобино, псевдобиологических построений Лапужа и детерминизма Вольтмана расовая мысль эволюционировала к теории, которая стала непосредственной идеологической основой нацистского государства. Ключевой и по-настоящему рабочей теорией нацистов стала расовая теория Ганса Гюнтера. Если большинство теоретиков расизма, за редким исключением, не были напрямую связаны с Рейхом, то Гюнтер (2002) стал идеологом проводимой нацистами расовой политики.

Ганс Фредерик Карл Гюнтер (1891-1968) – немецкий исследователь расы и евгеники в Веймарской республике и Третьем рейхе. Оказал большое влияние на нацистскую расистскую мысль. Он преподавал в университетах Йены, Берлина и Фрайбурга, написал множество книг и эссе по расовой теории. «Расология немецкого народа» Гюнтера (2002) была популярным изложением нордизма. В мае 1930 г. он был назначен на новую кафедру расовой теории в Йене. Оказался в нацистской партии в 1932 г. как единственный ведущий расовый теоретик, вступивший в партию до прихода нацистов к власти. В отличие от большинства исследователей расизма отличался высокой степенью образованности (получил докторскую в 23 года в Сорбонне) и огромным количеством изданных трудов по расовому вопросу, так как в Германии они пользовались популярностью (Гюнтер, 2002).

Гюнтер был приверженцем теории «нордизма», идеи, в которой «нордическая» раса имеет превосходство над другими во всех компонентах, включая искусство и вклад в развитие цивилизации. Расу Гюнтер описывал так: «Раса представляет собой группу людей, которая благодаря свойственному ей комплексу физических признаков и психических качеств отличается от любой другой группы людей и всегда воспроизводит лишь себе подобных» (2002, с. 13).

Гюнтер в своих трудах отмечал различие между терминами «раса» и «народ». Немецкий учёный признавал, что евреи не являются «расой» в самом строгом смысле этого слова, но считал, что не будет никакого вреда, если они будут называться таковыми в ненаучных популярных расовых работах. Точно так же он отверг использование «арийцев» и «семитов» как расовых терминов (он утверждал, что они относятся только к лингвистике) и заявил, что рассмотрение их как таковых вызовет больше проблем в различении немцев и евреев (Гюнтер, 2010).

Для своей расовой теории Гюнтер создал собственную классификацию рас. Он разделил европейское население на шесть рас: нордическую, фалийскую, восточную, западную, динарскую и восточно-балтийскую. «Западная» и «восточная» были на практике альтернативами более широко используемым терминам «средиземноморская» и «альпийская» (Гюнтер, 2002).

Нордическая раса отличается такими характеристиками, как «рассудительность», «честность», «энергия». Кроме того, «чувство справедливости», «индивидуальность», «отсутствие страсти», а также «сдержанность в сексуальности» также характерны для самой высшей расы по Гюнтеру. Особо выделяются умственными способностями. Внешне представляют собой индивида с длинной, узкой головой, высокорослы, цвет волос в диапазоне от белокурого до русого. Гюнтер (2002) считал, что из-за смешения высшая раса постепенно вырождается.

Западная (средиземноморская) раса характеризуется «страстью» и «умственной ловкостью», а также «жизнерадостностью» и «общительностью». Не способны к принятию решений. Представителям восточной (альпийской) расы (к ней относятся люди, которые преимущественно живут на юго-западе немецкоязычных областей) приписываются «сдержанность», «терпение» и «трудолюбие», благодаря чему они «восприимчивы к управлению и руководству», а также удобны и, следовательно, послушны как субъекты. Во многих трудах Гюнтер оговаривался, что именно эту расу можно считать низшей. Прежде всего к ней относились славянские племена (Гюнтер, 2002).

Гюнтер описывает динарскую расу (по Динарским горам) как ещё один тип, который характеризуется своим «особым чувством чести» и «везде проявляет сильное патриотическое, или туземное отношение». Примечательны в этой породе «надёжность», «храбрость» и «гордость». Она обладает «определённым коммерческим талантом» и склонна быть «легко возбудимой», а также «слишком быстрой, чтобы быть вспыльчивой» (Гюнтер, 2002, с. 72).

Гюнтер уточняет в главе одной из своих работ «Расовые особенности еврейского народа», что евреи принадлежали преимущественно к «ближневосточной расе». Он считал, что евреи настолько смешались в расовом отношении, что их можно рассматривать как «расу второго порядка». Немец описал евреев-ашкенази как смесь ближневосточных, восточных, восточно-балтийских, внутриазиатских, нордических, хамитских и негритянских рас. Гюнтер (2010) считал, что евреи имеют разные физические характеристики с европейцами.

Еврейскую проблему немецкий теоретик расизма не хотел решать радикальными способами. Ему казалось, что евреи являются второстепенным вопросом, поэтому он никогда не предлагал жестоких карательных мер против иудеев. Решение еврейского вопроса Гюнтер (2010) видел в возвращении евреям Палестины и в последующем переселении.

Относительно других рас Гюнтер испытывал свойственную нацистам жестокость. Кроме призывов к расовой гигиене, в его книге «Нордическая идея среди немцев» (1927) планировалась принудительная стерилизация «неполноценных» людей и их максимально быстрая изоляция в трудовых лагерях. Гюнтер выступал не только за принудительную стерилизацию людей с «неполноценными генами», но и за принудительные аборты или депортацию детей чернокожих африканских французских оккупационных солдат и немецких матерей, которых называли «рейнскими ублюдками». Таким образом, он стал одним из вдохновителей национал-социалистической расовой политики (Гюнтер, 2002).

Расизм Гюнтера является основополагающим для будущего нацизма. Он не только был одним из любимых мыслителей Гитлера и Розенберга, но и в целом распространил свою методологию по Третьему рейху. Его учение являлось путаным, не очень связным, анализ научных фактов там чередовался с базовыми эмпирическими исследованиями псевдопсихологического толка, псевдонаучными идеями без доказательств, что привело к построению неправдоподобной картины мира сначала в головах руководителей нацистов, а затем и заблуждению немцев. Расовая теория Гюнтера (2002), в отличие от прочих, является даже не предшественником нацизма – она стала его частью.

Р. Проктор (Proctor, 1988) показал, что институционализация расологии при нацистах шла через медицинское сообщество: кафедра Гюнтера в Йене была частью широкой программы расовой гигиены, а его классификации – не университетской экзотикой, а рабочим инструментом ведомств. Э. Баркан (Barkan, 1992) дополняет эту картину обратной стороной: к концу 1930-х «научный расизм» был дискредитирован в британской и американской антропологии, и нацистская Германия осталась единственным государством, доведшим его до законодательного оформления.

Сравнение французской и немецкой традиций даёт неожиданный результат: при внешнем единстве – одна расовая идея, один «научный» лексикон – это две разные теории с разной судьбой.

Французская линия начинается с Гобино и заканчивается, по сути, им же. Гобино – эстет расовой мысли. Его «Опыт о неравенстве человеческих рас» – не политическая программа, а историческая драма: раса понимается как культурно-психологическая целостность, а история цивилизаций – как её подъём, смешение и медленная смерть. Отсюда пессимизм: смешение рас Гобино считает гибельным, но ничего не предлагает. Его главный герой – аристократическая раса, уходящая в прошлое; его жанр – элегия. Теория остается в салонах, в спорах о древности, в рассуждениях о том, что искусство греков создали «белые» пришельцы с севера. Ни государства, ни инструментария – только диагноз, поставленный человечеству навсегда (Гобино, 2001; Тагиефф, 2009).

Немецкая линия устроена иначе. У Чемберлена раса уже не музейный экспонат, а действующая сила христианской Европы, и тевтонам в этой конструкции отведена роль стержня (Саркисянц, 2003). У Вольтмана (2000) раса получает научный и политический статус: расовая борьба объявляется механизмом истории, «Политическая антропология» – прямая калькуляция господства по биологическим признакам. Гюнтер (2002) завершает эволюцию: расология превращается в прикладную дисциплину с таблицами, фотографиями и тестами; его «Расология немецкого народа» читается как инструкция по классификации собственного населения. Тенденция очевидна: у Гобино раса – сюжет, у Чемберлена – вера, у Вольтмана – наука, у Гюнтера – административная практика.

Также отлична и сама идея расы. Для Гобино раса биологична и задана навсегда; её нельзя создать или исправить. Немецкая традиция постепенно делает расу категорией государственной: Вольтман расширяет понятие до исторически складывающихся «народов-рас», Гюнтер закрепляет за государством право определять, кто к какой расе принадлежит. Как только расу можно классифицировать, её можно и администрировать.

Отсюда главный вывод сравнительного анализа: расовая теория становится расовой политикой не тогда, когда она «научна», а тогда, когда она соединяется с государством. Во Франции расовой мысли не было с чем соединяться: Третья республика не строила расового законодательства, и теория Гобино, при всей её яркости, осталась скорее культурным рудиментом (Тагиефф, 2009). В Германии иная конфигурация: национализм после объединения искал себе научное обоснование, нашёл его у Чемберлена, Вольтмана и Гюнтера – и получил в итоге доктрину, готовую к применению. Идеи Гобино добрались до государственной власти не во Франции, а в Германии, пройдя путь через немецкую рецепцию. Расовой политике Третьего рейха предшествовали не пессимистические элегии, а три поколения немецких расологов, каждый из которых добавлял к расовой идее то, чего ей не хватало для превращения в закон: научность, политическую волю и административную форму (Саркисянц, 2003; Гюнтер, 2002).

Заключение

Расовые теории разнообразны, но внутри них всегда есть оправдание врождённого неравенства. Вторая отличительная особенность подобных учений – тщетная попытка доказать псевдонаучным способом свои воззрения, в которых науки перемешаны между собой и ментальными взглядами автора. Третье – абсолютный хаос внутри учений, непоследовательность, непрочность построений теорий внутри себя. Большинство

расовых теорий критиковались учёными-современниками, причём не из-за политических взглядов последних. Под маркой науки расовые теоретики продавали третьесортную, бездоказательную псевдофилософию, зачастую не зная, как пользоваться даже базовым научным аппаратом. Эти качества восприняли и Третий рейх, и многие государства Европы.

Эволюция расовой мысли от Гобино к Гюнтеру демонстрирует постепенный переход от философских построений к псевдонаучной системе, интегрированной в государственную политику. Гобино оставался мыслителем, чьи труды не нашли признания при жизни. Чемберлен создал бестселлер, но его аргументация строилась на религиозных и метафизических основаниях. Лапуж попытался соединить расизм с социализмом, но разочаровался в нацистской практике. Гюнтер же стал непосредственным идеологом Третьего рейха, чья классификация рас была принята в качестве официальной доктрины. Несмотря на ненаучность, расовые теории стали влиятельны во всей Европе. Их популярность является следствием экономического и политического примата Европы того времени и её внутренних противоречий, попыткой интеллектуального обоснования превосходства европейцев (Арендт, 1996). Также расовый вопрос использовался государствами для отвлечения от социальных проблем, таких как имущественное расслоение и вопрос рабочих. Со временем расовое деление захватило Европу, и даже внутри белой расы были найдены более высокие подвиды и низшие.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами. Философский расизм Гобино заложил концептуальные основы расового детерминизма, связав развитие цивилизаций с расовой принадлежностью. Позднее Чемберлен трансформировал эти идеи в популярную идеологию, добавив антисемитский компонент и метафизические построения, которые оказали прямое влияние на нацистское движение. Лапуж предпринял попытку перевода расовой теории на язык социальной инженерии, предложив программу селекционизма как основу общественного устройства. Вольтман перенёс дарвиновскую борьбу за существование на историю народов, превратив расовую борьбу в механизм политического развития. Гюнтер создал наиболее систематизированную псевдонаучную расовую классификацию, которая стала официальной доктриной Третьего рейха. Сравнительный анализ выявил, что французская расовая традиция тяготела к философско-социологическому обоснованию неравенства, тогда как немецкая – к псевдоантропологической систематизации и государственному внедрению.

В качестве направления дальнейших исследований можно предложить сравнительный анализ расовых теорий в других европейских странах (Англия, Италия, Испания), а также изучение влияния классических расовых идей на современную ультраправую мысль и практики политической радикализации.

Источники | References

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Витрувий. Десять книг об архитектуре Витрувия: с комментарием Даниеле Барбаро / пер. А. И. Венедиктова, В. П. Зубова, Ф. А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938.
3. Вольтман Л. Политическая антропология = Politische Anthropologie: исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. М.: Белые альвы, 2000.
4. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В. И. Руднева, ред. В. П. Карпова. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936.
5. Гобино А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; ОЛМА-Пресс, 2001.
6. Гюнтер Г. Ф. К. Нордическая идея среди немцев (1927) // Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии / пер. с нем. А. М. Иванова. М.: Белые альвы, 2002.
7. Гюнтер Г. Ф. К. Расология еврейского народа / пер. с нем. А. Ионова. М.: Сампо, 2010.
8. Гюнтер Г. Ф. К. Расология немецкого народа. 1929 // Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии / пер. с нем. А. М. Иванова. М.: Белые альвы, 2002.
9. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 2: Докритические произведения.
10. Лапуж Ж. Ариец и его социальная роль (1899) / пер. с фр. А. А. Родионова. М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014.
11. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003.
12. Тагиефф П. А. Цвет и кровь. Французские теории расизма / пер. с фр. А. А. Славохотова. М.: Ладомир, 2009.
13. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. / пер. с нем. Е. Б. Колесниковой. СПб.: Русский миръ, 2012. Т. 1.
14. Barkan E. The Retreat of Scientific Racism: Changing Concepts of Race in Britain and the United States between the World Wars. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
15. Biddiss M. D. Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau. N. Y.: Weybright and Talley, 1970.
16. Field G. G. Evangelist of Race: The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. N. Y.: Columbia University Press, 1981.
17. Gasman D. The Scientific Origins of National Socialism: Social Darwinism in Ernst Haeckel and the German Monist League. L.: MacDonald, 1971.
18. Hawkins M. Social Darwinism in European and American Thought, 1860-1945: Nature as Model and Nature as Threat. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. https://doi.org/10.1017/CBO9780511558481

19. Mosse G. L. Toward the Final Solution: A History of European Racism. N. Y.: Howard Fertig, 1978.
20. Proctor R. N. Racial Hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU

Ряков Евгений Евгеньевич[1], к. ист. н.
[1] Тюменский государственный университет

EN

Evgeny Evgenievich Ryakov[1], PhD
[1] University of Tyumen

[1] *ryakove@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.10.2026; опубликовано online (published online): 17.11.2026.

Ключевые слова (keywords): расовые теории; философский расизм; сравнительный анализ; нацистская расовая политика; Третий рейх; racial theories; philosophical racism; comparative analysis; Nazi racial policy; Third Reich.